

Ванна

Ричард Лаймон

Это была ужасная древняя вещь, стоявшая посреди пола на тигриных лапах. Прямо экспонат. Какая-то актриса времен немого кино предположительно вскрыла вены, находясь в этой штуке. Сыграла в ящик, любил говаривать Гарольд. В этой самой ванне.

По крайней мере из-за этого мне достались зеркала, подумала она.

Она позволила ему занять эту дурацкую ванну с привидениями, а он позволил ей увешать все зеркалами.

Оглавление

	4
* * *	32
* * *	38

— Алло.

— Угадай, кто это, Кении.

Она говорила в трубку страстным голосом, который, насколько она знала, был страстным чрезвычайно.

— Уже угадал!

— Чем занимаешься?

— Ничем особенным. Так просто. А ты?

— Томлюсь в постели.

— Да ну? — Джойс услышала его хрипловатый смех. — Заболела?

— У меня, кажется, поднимается температура, — сказала она. — Я вся такая горячая. Такая горячая, что пришлось совсем раздеться. Ума не приложу, что это со мной такое.

— Какая у тебя температура?

— Откуда я знаю, Кенни. У меня нет сил даже подняться и взять градусник. Может, приедешь со своим? Тем, что между ног.

Наступила короткая пауза. Потом Кен спросил:

— А Гарольд?

— Насчет него не беспокойся.

— То же самое ты говорила в прошлый раз, когда он нас чуть не прихватил.

— Нет, сегодня вечером абсолютно спокойно. Гарантирую. Он уехал в Нью-Йорк. В Нью-Йорк, и вернется только в воскресенье вечером.

— Когда уехал?

— Ты прямо как пугливая лань.

— Просто не хочу неприятностей.

— Ну ладно, он уехал утром. И не стоит думать, что он пропустил свой рейс. Он позвонил мне всего несколько минут назад из своего номера в «Мариот». Он в трех тысячах миль отсюда, и я уверена, нет ни малейшей возможности, что он нас накроет.

— А откуда ты знаешь, что он звонил не из автомата в миле от тебя, и не сказал, что он в нью-йоркском «Мариоте»? Может, он в брентвудском «Шевроне».

— Бог ты мой, прямо параноик!

— Почему бы тебе не позвонить в отель? Просто убедись, что он действительно вселился, а потом перезвони. Если он там, как сказал, я сейчас же приеду.

Джойс вздохнула.

— Ну что ж, надо так надо.

— Буду ждать у себя.

Перекатившись по кровати, она положила трубку, свесила ноги и села.

Вот зануда.

Гарольд в Нью-Йорке, как и говорил. Его выдвинули на соискание премии Брэма Стокера за этот его гнусный романчик, и он явно не собирается упустить шанс омыться в лучах славы. Сегодня вечером он будет потягивать свое пойло в гостиной вместе с Джо, Гэри, Четом, Риком и прочими, похохатывать и веселиться. Про Джойс он если и вспомнит, то в последнюю очередь.

Даже если он и имел подозрения насчет нее — даже если ему плевать на общение с прочими писателями, даже если его не выдвинули, — все равно у него кишка тонка сделать вид, будто он отправился в Нью-Йорк, а самому тихонько пробраться в дом и застукать их с Кеном.

Он ведь такой бесхребетный.

Такая тряпка, что даже если случайно наткнется на нее и застучает их с Кеном в самый

разгар случки, он скорее всего лишь вспыхнет, ничего не скажет и уйдет.

Кену вообще глупо из-за него беспокоиться.

Уж не вообразил ли он, будто Гарольд может его пристрелить? Оружие Гарольда пугало. Он вряд ли им воспользуется ради спасения собственной жизни, не говоря о том, чтобы ухлопать любовника жены. А без пистолета у Гарольда против Кена никаких шансов.

Кен — больше ста килограммов накаченных мышц — управится с крошкой Гарольдом, даже не вспотев.

Выждав еще немного, она сняла трубку и набрала номер Кена. Тот ответил почти сразу.

— Алло?

— Сам алло, здоровяк.

— Он там?

— По сообщению администратора, он вселился в шесть вечера.

— Отлично. Уже иду.

— Я оставлю входную дверь незапертой. Сразу заходи и попробуй меня найти.

— Чао, — сказал он.

— Черт. Не говори так. Так всегда Гарольд говорит. Это так манерно.

— Буду через десять минут.

— Так-то лучше. До встречи.

Повесив трубку, она зашла в гардеробную и взялась было за атласный халат. Но потом решила обойтись без него. Она и так ощущала себя разгоряченной. Хотя ей придется пройти мимо окон, чтобы открыть входную дверь, вряд ли ее кто-нибудь заметит. Рядом с ее домом других домов нет, а с дороги ничего не увидишь из-за кустов.

Она вышла из спальни энергичной походкой и спустилась по лестнице, наслаждаясь движением воздуха, ласкающего кожу, и легким колыханием грудей.

Внизу она увидела свое темное отражение в окне рядом с входной дверью.

Она представила, как снаружи на нее пялится какой-нибудь извращенец, и по телу ее прошла легкая дрожь. Не от страха, как она поняла. Ради воображаемого вуайериста она провела большими пальцами по выступающим соскам. От соб-

ственного прикосновения у нее перехватило дыхание.

Она отперла дверь.

Сердце у нее заколотилось, и она задрожала еще сильнее, представив, как открывает дверь и выходит на крыльцо. И ждет там Кена. В лунном свете, на открытом месте, и теплый ночной ветерок облизывает ее тело.

В другой раз. Может быть, сегодня попозже они выйдут вместе. Но не сейчас. Она уже решила, как встретить Кена, а времени оставалось немного.

Поспешно выключив все освещение внизу, она снова помчалась вверх, где выключила свет в коридоре. Весь дом, кроме главной спальни, погрузился в темноту.

Она вошла, щелкнула выключателем, чтобы погасить лампы рядом с кроватью, а потом осторожно направилась по ковру в ванную. Здесь она включила свет, но лишь на мгновение, чтобы найти спички и зажечь одну.

Она закрыла дверь и потушила свет. Затем она поднесла горящую спичку к фитилю первой

свечи. Пока достаточно. Она загасила спичку. Единственный язычок пламени отражался в зеркалах, покрывавших все стены и потолок. Ванная мерцала трепещущим нежным светом.

Джойс улыбнулась.

У Гарольда — эта чертова ванна, а у меня — мои чудесные зеркала.

Когда они переделывали ванную комнату, она хотела просторную утопленную ванну. Но Гарольд настоял на этом белом слоне. Это была ужасная древняя вещь, стоявшая посреди пола на тигриных лапах. Прямо экспонат. И он с удовольствием ее демонстрировал. Он заводил друзей наверх в ванную комнату, чтобы они могли восхититься этим монстром, а он в это время рассказывал им длинную нудную историю про то, как купил ее на распродаже в Голливуде. Какая-то актриса времен немого кино предположительно вскрыла вены, находясь в этой штуке. Сыграла в ящик, любил говаривать Гарольд. В этой самой ванне.

Какой дурак, подумала она, наклонясь над ванной и открыв краны. Когда вода нагрелась,

Джойс заткнула сток резиновой пробкой, после чего выпрямилась и отерла мокрую руку о бедро.

По крайней мере из-за этого мне достались зеркала, подумала она.

Она позволила ему занять эту дурацкую ванну с привидениями, а он позволил ей увешать все зеркалами.

Она восхищалась своим отражением в них, обходя ванную и зажигая свечи.

Неровный насыщенный свет придавал блеск ее глазам, а ее рыжеватые волосы переливались и сияли. Ее кожа выглядела сумеречной и золотистой. Когда загорелась последняя свеча, она отложила спички и потянулась, медленно поворачиваясь и вытягивая руки.

Ее окружали многочисленные Джойс, все как одна мерцающие и таинственные. Она смотрела на свои гладкие выгнутые спины, нисходящие к идеальным выпуклостям ягодиц. Она смотрела на бархатистую кожу своих бедер, ноги с нежными икрами и тонкими лодыжками. Все еще медленно поворачиваясь, она опустила руки и сце-

пила пальцы на затылке. Все отражения сделали то же самое. Все они имели длинные изящные шеи. Во впадинах горла и над ключицами притаились тени. Груды у них были высокими, цвета меда, увенчанные более темным оттенком золотого. Ребра, пожалуй, выступают немного сильно. Гарольд так и считал. «Почему ты не ешь?» Ублюдок.

Я идеальна на свой манер.

Она опустила руки, смакуя их прикосновение, возбуждаясь при виде всех этих Джойс, ласкающих свои груди, мягко сдавливающих свои соски, проводящих ладонями по ребрам (которые просто прекрасны, хвала богам), ниже, по гладкой коже животов, еще ниже, пока их большие пальцы не воткнулись в нежные, мерцающие завитки волос.

Если войдет Кен и застанет меня в таком виде, он никогда не позволит заняться этим в ванне.

Она заторопилась. Вода набралась. Она закрутила краны и прислушалась: может, он уже в доме. Но услышала лишь биение собственного сердца, свое неровное дыхание и звук воды,

капающей из крана.

Кен может быть за дверью ванной.

Схватившись за высокий край ванны, она перебросила ногу. Ступня погрузилась в горячую воду. Пожалуй, даже слишком горячую. В зеркалах она наблюдала, как другие Джойс забираются в ванну, держась за края с обеих сторон, и медленно опускаются в воду. А потом над водой видны лишь их головы и верхняя часть плеч.

Джойс скользнула вперед. Когда она откинулась назад, ее зад скрипнул по фаянсу. Погрузившись до подбородка, она перестала скользить, подняв колени и поставив ступни на дно.

Эта чертова штука слишком длинная. Она никогда не могла просто вытянуться в ней, уперев ноги в дальнюю стенку, и держать голову над водой. Что означало, что ей никогда не удавалось по-настоящему расслабиться. Ей приходилось ставить ноги. Или так, или удерживаться, раскинув ноги, чтобы цепляться за края ванны.

Сплошная головная боль.

Но нет худа без добра, сказала она себе. Эта долбанная ванна имеет подходящие размеры для

случки. Здоровяк Кен отлично в ней поместится.

— Хочу заняться этим в твоей бесценной ванне, — пробормотала она. — Как тебе такое, а, Гарольд?

Она ждала, наслаждаясь теплом воды, лаская себя. Зеркала на потолке отражали огоньки свечей. Она наблюдала за движениями рук, за изгибами тела и млела от наслаждения.

Она вздрогнула от звука скрипнувшей половицы.

Он здесь!

В спальне?

Она дернулась назад и заскользила вверх, пока не заняла сидячее положение, и положила руки на края ванны. Она хотела выглядеть как надо, когда он войдет, и зеркала показали, что ей это удалось. Вода покрывала ее радужным туманом от живота и ниже. Руки, плечи и грудь были мокрыми и блестящими.

Она посмотрела в сторону двери. «Что он так долго?» — подумала она. И потом услышала тихий, приглушенный звук шагов.

Определенно шаги.

А что, если это не Кен?

Дрожь пробежала по ее телу. Она почувствовала, как кожа натягивается и покрывается мурашками.

В дом мог войти кто угодно.

Но это должен быть Кен.

Вовсе не обязательно.

Но если там чужой, он может подумать, что дом пустой. Может, он меня не найдет. Может... Дверь распахнулась. Джойс ахнула и вздрогнула.

В ванную вошел Кен походкой участника соревнований по бодибилдингу, выходящего на сцену. Он разделся. Смазал маслом кожу. — Это ты, — прошептала она.

Он начал принимать позы. Он поворачивался то так, то эдак, двигаясь, застывая и изгибаясь с неторопливым, грациозным изяществом. Его мышцы вздувались и перекачивались. Джойс наблюдала, затаив дыхание. Она видела и раньше, как он это делает, но ни разу — при трепетном, золотистом пламени свечей.

Вид у него был величественный и непривычный. Великолепный безволосый монстр из тан-

цующих мышечных бугров и пластин.

Когда он продефилировал к противоположной стороне ванны, Джойс не пришлось поворачивать голову, Она наблюдала за ним в зеркало, смотрела, как он наклоняется, протягивает руки и скользит по ее грудям. Он лишь коснулся ее и отошел назад, согнув руки и закрутив торс.

Он резко развернулся. Бросая застенчивые взгляды из-за плеча, он подошел к ванне сбоку. Он поднял руки и согнулся, демонстрируя полосы мышц, пересекающих спину, твердые выступы ягодиц. Джойс улыбнулась, когда они запрыгали. Одна за другой, по очереди. Она потянулась и погладила гладкую кожу.

Он мягко отстранил ее руку, словно обиделся, отошел от ванны, затем развернулся и скользящей походкой направился к ней. Держа руки на бедрах, он согнул колени. Его негнувшийся член покачивался вверх-вниз в нескольких дюймах от ее лица. Он подпрыгнул поближе. Джойс изогнулась в его сторону, перекатившись на бедро и вцепившись в край ванны обеими руками. Ее груди прижались к прохладной фаянсовой стен-

ке. Она приоткрыла рот. Он мазнул ей по губам, поддразнивая, но углубляться не стал. Затем попятился.

— Хватит, — выдохнула она. — Иди сюда. Хочу, чтобы ты вошел в меня.

Он вернулся к ванне. Пристально глядя на нее сверху, он прошептал:

— Восхитительно выглядишь.

— И ты тоже ничего.

— Ты серьезно хочешь меня в ванне?

— Здесь уйма места.

— В кровати было бы удобнее.

— Но не так волнующе.

Он пожал массивными плечами, перегнулся, вцепился в край ванны и забрался внутрь. Постоял у ее ног, сверху глядя на нее, потом медленно повернул голову, рассматривая свои отражения в зеркалах.

— Кончай собой любоваться, трахни меня. Он медленно опустился на колени, слегка вздрогнув, когда горячая вода коснулась мошонки. Джойс соскользнула в тепло. Погрузившись по шею, она наткнулась ступнями на скользкую кожу бедер

Кена.

— Ты же не хочешь, чтобы я был сверху?

— Хочу, конечно.

— Хочешь утонуть?

— Хочу быть раздавленной. — Она подняла ногу над водой и погладила его. — Я хочу ощутить тебя на себе, чтобы это роскошное тело отдолбало меня до бесчувствия.

Он застонал. Кивнув, он пробормотал:

— Давай спустим воду.

— Быстрее, только быстрее.

Он засунул руку себе под зад. Джойс услышала хлюпающий всасывающий звук, а потом — мягкое журчание уходящей воды.

Она раскинула ноги. Кен медленно прополз вперед. Его ладони скользнули по ее ногам, погладили бедра и живот, переместились на выступающую грудную клетку и обхватили груди. Ощувив сжатие его пальцев, она высунула руку из воды и обвила пальцами его член.

— Вставляй, — прошептала она.

Его ладони разошлись в стороны и скользнули по ее бокам. Нависнув над ней, он опустил

лицо в воду. Его язык коснулся ее правого соска, сделал круговое движение и прижался. Он открыл рот, и она ощутила его губы вокруг на вершая груди. Он засосал грудь глубоко в рот.

— Господи! — вскрикнула она, отпустив член Кена и вцепившись ему в спину.

Выпустив грудь, он вынырнул и глотнул воздух. Покрытое каплями воды лицо улыбнулось ей и снова ушло под воду. Она почувствовала прикосновение губ к другой груди. Они напоминали мягкое гибкое кольцо, герметично обтянувшее ее сосок. На этот раз они не сосали. Они дули. Дули, как ребенок, который изображает пуканье на своей руке. Губы, воздух, вода содрогались на ее соске. На поверхность воды вырывались пузырьки.

Хватая ртом воздух, она отвела его голову.

— Больно? — спросил он.

— Нет. Просто... Кончай с этим, трахни меня... Сейчас же!

Он завозился, пытаясь переменить положение. Джойс поняла, что разница в их габаритах создает для него трудности. А еще вода. Он все

еще боялся утопить ее.

Он вдруг откинулся назад, схватив ее под мышками и выволакивая из воды, поднял и опустил на себя, насадив на свой торчащий конец.

Его член высоко проник в нее.

Она вскрикнула, содрогнулась и крепко прижалась к его груди судорожно сотрясавшимся телом.

Кена тоже охватили судороги.

Он упал вперед, придавив ее. Она сначала упала спиной в воду, а потом ударилась о дно ванны. Голова с глухим звуком ударилась о стенку. Перед глазами замельтешили искры, а вода хлынула на лицо.

Когда зрение прояснилось, она поняла, что распростерлась под Кеном, а подбородком упирается ему в плечо.

— Господи, — выдохнула она. — Ты сделал мне больно.

Он не извинился.

Он вообще ничего не сказал.

Она поняла, что он не может этого сделать. Его голова, находившаяся рядом с ее головой, по-

грузилась лицом в воду. Уровень ее снижался, но медленно. Тепло плотным покрывалом окружало ее голову. Лишь ее лицо оставалось над водой.

Значит, лицо Кена под водой.

Он захлебнется!

— Кен!

Он не шелохнулся.

Он не пускал пузыри. Он не дышал.

Его грудь была плотно приплюснута к груди Джойс. Она ощущала, как сильно бьется у нее сердце. Определить, бьется ли сердце у него, она не могла.

Хотя он придавил ее всем весом, руки у нее оставались свободными. Она обнимала его в момент падения. Сжав кулаки, она заколотила его по спине.

— Кен! Кен, проснись! Он не спит, идиотка!

— Кен! Подними голову! Кен!

Она продолжала молотить кулаками по его спине. Раздавались глухие удары. Она не имела представления, пойдет ли это ему на пользу, но видела что-то подобное в медицинских программах. Кроме того, это было до некоторой степени

приятно. Каждый удар слегка сотрясал его тело. Вроде как простукивать арбуз в магазине. При этом он слегка подрагивал на ней. Это вызывало ответный трепет у Джойс.

От этих ударов даже его член слегка шевелился.

Он все еще оставался внутри нее. По-прежнему торчком.

— Я знаю, ты придуриваешься, — сказала она. — Ну хватит. Покойники так себя не ведут. Он не пошевелился.

— Ну хватит, Кен. Это не смешно. Я треснулась головой. Вдобавок ты меня напугал. Я уж подумала, ты умер или еще что.

Он по-прежнему не шевелился.

— Ну ладно. Сам напросился.

Она всадила ему в спину длинный ноготь указательного пальца и почувствовала, как он протыкает кожу. Кен даже не вздрогнул.

Внутри у нее все похолодело.

— О Господи! — пробормотала она.

Она боднула сбоку его голову, которая мотнулась без сопротивления. Тогда она стукнула его

скулой по уху. Его голова откачнулась в сторону, потом вернулась и ударила ее, словно давая сдачи.

— Черт!

Он мертв! Этот ублюдок мертвый!

Джойс стала извиваться под тяжестью страшного веса.

Сделав глубокий вдох, она бросилась в атаку. Она брыкалась, изгибалась, толкала и дергала Кена, ударяла ногами о дно и пыталась оттолкнуться, она вцепилась в края ванны обеими руками. Но ей никак не удавалось из-под него выбраться.

Несмотря на все ее усилия, он едва сдвинулся с места.

В конце концов она слишком вымоталась, чтобы продолжать борьбу. Она лежала под ним, вялая и потная, вытянув руки вдоль тела, с трудом дыша.

Успокойся, сказала она себе.

Правильно. Успокойся. На мне лежит этот долбанный жмурик. Не говоря уж...

Даже не думай об этом.

Должен же быть какой-то выход.

Выход, и побыстрее!

Думай хорошенько, думай.

Проблема — главная проблема — в этой чертовой ванне. То, как она нас держит. Конечно.

Если бы только мы занялись этим в кровати! Я просто смогла бы его с себя скатить...

Если бы только. Много хочешь.

Что с ним случилось? Сердечный приступ? Аневризма? Кто знает? Какая разница? Этот тупица накачивался стероидами и наверняка посадил здоровье в задницу.

А теперь в заднице оказалась я.

В первый раз после того, как Джойс оказалась распластанной под Кеном, она обратила внимание на зеркало наверху. Она посмотрела в него.

Ничего удивительного, что она в ловушке. Она почти не видела себя. Виднелись лишь ноги и лицо. Остальное скрывалось под массивным телом Кена. Она подняла руки, высунувшиеся под мышками у Кена. Ее руки выглядели такими маленькими.

Ноги казались бесполезными. Красивые бесполезные ноги с коленями, торчащими в воздухе, — раскинуты широко, до боли, ноги, придавленные к стенкам ванны толстыми ляжками Кена.

Она проверила их. Она могла разогнуть колени. Она могла выпрямить ноги, опустить их, высоко поднять.

Когда она шевельнула ногами, Кен, казалось, изменил положение внутри нее, словно примериваясь, пробуя.

Это ее не остановило. Наблюдая за своими ногами в зеркале, она испытывала их подвижность и обнаружила, что может болтать ими в разные стороны, но в основном от колен и ниже. Чего она не могла сделать, так это сдвинуть ноги. Как ни старалась, они оставались плотно прижатыми к стенкам ванны.

А если...

Подняв правую ногу повыше, она зацепилась икрой за край ванны, оттолкнулась правым локтем от дна и попыталась приподняться и повернуться в надежде скатить с себя Кена. Ей не уда-

лось сдвинуть его с места.

Ладно. Это не срабатывает. Но что-нибудь да сработает.

Она опустила ногу. Постаралась расслабиться.

Не могу я здесь застрять.

Но ведь застряла же.

По крайней мере нужно пытаться что-то делать, подумала она.

Она сунула свободную правую руку в тесную щель между ее животом и животом Кена. Тыльная сторона ладони скользила по его коже. Она сдвинулась вниз. Ее пальцы наткнулись на то место, где они сомкнулись бедрами. Она попыталась подобраться к нему снизу, в районе промежности. Без толку.

— Ладно, — пробормотала она.

Тогда с истошными воплями она стала брыкаться, толкаться, изгибаться и извиваться, исполнившись решимости убрать его с себя и из себя, зная, что может это сделать — должна и может это сделать, — ведь матери поднимают машины, когда их ребенок попадает под колесо,

разве не так? Она сможет поднять Кена. Поднимет. Она сбросит его в сторону и выберется из ванны.

Поняв, что у нее ничего не получается, она заплакала. Некоторое время спустя стали догорать свечи. Один за другим огоньки начинали трепетать, ярко вспыхивали и гасли. Она осталась в темноте.

Какая разница, подумала она сначала. Смотреть не на что, кроме как на покойника, что меня придавил.

Но спокойствия хватило ненадолго.

Страх начал охватывать ее.

Мертвец. Труп. Меня удерживает труп.

А что, если он начнет двигаться?

Это всего лишь Кен, сказала она себе. Это не какой-нибудь там долбанный вурдалак, зомби или призрак, это всего лишь Кен. И он помер, капут ему. Вряд ли он начнет двигаться.

Но если начнет? Если захочет отомстить? Ведь это я убила его.

С ним случился сердечный приступ или еще что-то в этом роде. Я не виновата.

Возможно, он смотрит на вещи иначе.

Дьявол! Он ничего не видит. Он мертвый!
Кроме того, он умер счастливым. Неплохая смерть, верно? Кончил и кончился.

Она услышала свой смех. Звучит немного дико.

Он не кончил, напомнила она себе.

Коитус interruptedus окочуриус.

Она снова рассмеялась.

Она умолкла, и смех застрял у нее в горле, стоило лишь ей представить, как Кен поднимает голову, целует ее в рот мертвыми губами, шепчет: «Я еще кое-что не закончил» — и начинает на ней двигаться.

Ее страхи улеглись лишь с утренним светом. Она спала. Проснувшись она вся в поту, испытывая боль, с затекшим задом, с неподвижными ногами. Она размяла мышцы, побрыкавшись и поизвивавшись, сколько могла.

Вскоре кровообращение восстановилось. Игодицы и ноги горели, словно их покалывали тысячи иголок. Почувствовав себя лучше, она ощутила запах. При помощи зеркала сверху она выяс-

нила, что это. Между ступней Кена за край стока зацепилась какашка.

— Дерьмо, — прошептала она.

Она закрыла глаза.

Не расстраивайся по мелочам, сказала она себе.

Думай, думай.

Ладно, сегодня суббота. Если Гарольд не пропустит рейс или не случится еще что, он вернется завтра вечером. Около семи. То есть у меня больше суток, чтобы выбраться отсюда. Иначе муженька кондрашка хватит.

Как тебе такое для страшилки, а, Гарольд? Напиши об этом, как тебе? Может, даже получишь свою долбанную премию!

Не будет этого. Я выберусь из этого дерьма намного раньше, чем он приедет.

Все верно.

Как?

Я могу сплавить Кена с себя!

Она немного подумала об этом. Если она наполнит ванну, поднимет ли его наливающаяся вода? Наверняка.

Как бы самой не утонуть за это время.

Но если надолго задержать дыхание...

Она подняла ноги, вытянула их, попыталась свести их поближе..., и даже близко не подобралась к кранам.

Хватит грандиозных идей.

Должен быть выход. Должен...

— Слезь с меня! — взвизгнула она и начала сражаться с телом, уже одревеневшим из-за трупного окоченения. Казалось, оно стало еще, тяжелее. В конце концов, выбившись из сил, она притихла.

Нет никакого выхода, поняла она.

Я останусь придавленной этим чертовым жмуриком, пока не вернется Гарольд.

После этого она долго плакала. Потом задремала. Когда проснулась, ягодицы и ноги у нее снова затекли, но безысходного отчаяния она уже не ощущала. Она чувствовала себя примирившейся с судьбой.

— Если изнасилование неизбежно, — пробормотала она, — расслабься и получай удовольствие.

Ей стало интересно, какой идиот такое придумал?

Это ужасно и отвратительно, но помирать из-за этого я не собираюсь.

Несколько позже вонь стала еще сильнее, поскольку к экскрементам Кена добавились ее собственные.

* * *

С наступлением темноты вернулся и страх.

Она лежала неподвижно, едва осмеливаясь дышать, ожидая, когда Кен зашевелится. Или заговорит.

Джойс.

Что?

Я п— р-р-роголодался.

Она представила, как поворачивается его голова, тыкаясь носом в ее шею сбоку, кусает.

Когда она все-таки почувствовала, что он шевелится, она завизжала. Она вопила, пока горло не заболело и не пересохло.

Потом она убедила себя, что Кен не вернул-

ся к жизни. Движение вызвано, наверное, естественными причинами. Разложением, к примеру. Перемещением газов. Размягчением мускулов или сухожилий. Мерзко. Отвратительно. Но он не оживает. Говорить с ней он не собирается. И кусать ее он не будет. И натягивать не станет.

Лишь бы ночь пережить.

Позже, когда она начинала дремать, Кен издал стон.

Джойс ахнула. Она окаменела, по коже поползли мурашки.

Это всего лишь выходят газы, сказала она себе.

Он снова это сделал, и она заскулила.

— Прекрати, — хныкала она. — Прекрати. Хватит, прошу тебя!

Она снова бешено забилась и задергалась под ним, а потом лежала, всхлипывала и молилась, чтобы поскорее пришел день.

С первым серым утренним светом, проникшим в ванную комнату, паническое настроение Джойс улеглось, и она закрыла глаза.

Сегодня воскресенье.

Гарольд придет. Он будет дома около семи.
До темноты.

Еще одну ночь под Кеном лежать не придется.

В изнеможении она провалилась в сон.

Проснулась она от телефонного звонка.

Кто это? Может, кто-то услышал ее вопли ночью и звонит узнать, не случилось ли с нею чего-нибудь. А поскольку я не отвечу. . .

Шансы дохловаты.

Никто не слышал криков. Наверное, кто-то из подружек звонит поболтать. Или торгош какой-нибудь.

Звонки прекратились.

Может, это был Гарольд. Гарольд звонит сообщить, что пропустил рейс, что его сняли с самолета или что он решил остаться в Нью-Йорке еще на день-другой, чтобы встретиться со своим агентом или редактором.

— Нет, — пробормотала она. — Гарольд, пожалуйста, вернись. Ты должен вернуться.

Еще одну ночь я не выдержу.

Все нормально, сказала она себе. Он придет.

Приедет.

Еще несколько часов, и он будет здесь.

Она подумала, а сможет ли Гарольд вытащить ее из-под Кена. Наверное, нет. Такой слабак. Вероятно, ему придется вызывать пожарных. Мне неприятно беспокоить вас, парни, но, боюсь, моя жена застряла в ванне. Похоже, она трахалась с этим здоровяком, а у того сердце не выдержало.

От этих мыслей она рассмеялась. От смеха у нее заболела грудь. Что еще хуже, от этого ей сдавило внутренности и шевельнулся член Кена.

Она застонала.

Ничего смешного, подумала она.

Но если Гарольд меня отсюда не вытащит, это сделают пожарные. Немного неприятно, ну и что? Зато буду свободной.

Она представила, как совершенно голая бежит по коридору, а пожарные смотрят на нее ошарашенно и, может быть, чуть-чуть возбужденно. А она бежит в другую ванную, где есть душ.

Сначала она напьется холодной воды. Напол-

нит ею пересохший рот. Будет пить, пока живот не раздуется. Потом примет самый долгий в жизни душ. Будет мылиться и скрестись, пока не останется и следа от мерзких прикосновений покойника Кена. И подмоется, конечно. Полностью очистится от его смерти.

Потом выпивка. Водка с тоником. В стакане будет постукивать лед. Капелька лимона. Пить, пока голова не наполнится легким приятным туманом.

Потом добрый ужин. Толстенный кусок вырезки, слегка поджаренный на углях.

Жарить придется самой, подумала она. У Гарольда вряд ли будет настроение готовить для меня. Если он вообще останется.

Мысли о мясе наполнили рот слюной. В животе заурчало.

Скоро поедем, сказала она себе. Осталось всего лишь несколько часов... Если только звонил не Гарольд, чтобы сказать, что домой не приедет.

Только не это.

Ради Бога, только не это.

Он будет здесь. Он приедет.

Он приехал.

Джойс, грезившая о его появлении, ничего не слышала, пока не распахнулась дверь ванной.

— Гарольд!

— Джойс?

Она услышала его быстрые шаги. Он встал над ванной, уставившись на нее, на Кена. Лицо его приобрело серый оттенок, почти такой же, как спина Кена. Челюсть у него отвисла.

— Вытащи меня отсюда! Он нахмурился.

— Быстрее же, ради Бога! Я тут лежу под ним с вечера пятницы.

— Не можешь вылезти?

— Да разве я тут лежала бы, если б могла?

— Господи, Джойс.

— Кончай волынку тянуть — вытащи меня отсюда! Он продолжал смотреть в ванну, медленно покачивая головой.

— Гарольд! Вытащи меня отсюда!

— Ага. Сейчас.

Развернувшись, он Пошел прочь.

— Чао, — сказал он.

Дверь ванной захлопнулась.

* * *

Гарольд вылетел на Мауи, где неделю расслаблялся на пляже, читал ужастики, написанные его друзьями, и ходил в хорошие рестораны. Он положил глаз на нескольких хорошеньких женщин, но держался от них подальше. Не нужны ему больше неверные стервы.

Вернувшись, он вошел в дом и окликнул:

— Джойс, я вернулся.

Она не ответила.

Ухмыляясь, Гарольд поднялся вверх.

Запах был нехороший. К горлу подступила тошнота. Глаза заслезились. Прикрыв рот и нос платком, он пробежал через спальню и вошел в ванную.

И онемел.

Он уронил платок.

Он таращился во все глаза.

Кафельный пол возле ванны был усеян человеческими останками.

В окровавленном сферическом предмете он распознал голову. Собственно, часть головы. Челюсти не хватало. Неровный пенек шеи выглядел

изжеванным.

Он увидел руку. Другую. Обе такие большие, мускулистые, но в верхней части им очень много не доставало. Шишковатые концы плечевых костей выглядели так, словно их вылизали до блеска.

По полу были разбросаны и другие останки. Изогнутые ребра. Куски мяса. Обрывки жилистой мышцы. Какие-то слизистые комки, которые могли быть внутренними органами: части легких или, может быть, почек — кто знает?

Среди разнообразия фрагментов Гарольд различил сердце.

Через край ванны свешивались кольца кишок.

Гарольда вырвало.

Облегчив желудок, он приблизился к ванне, стараясь ни на что не наступить.

Джойс там не было.

Там был ее любовник. То, что от него осталось. От задницы и ниже он выглядел отлично. Просто отлично.

Но большая часть торса отсутствовала. Это была безрукая, безголовая оболочка, распластан-

ная в месиве из крови, дерьма и плавающих кусков черт знает чего.

— Добро пожаловать домой, дорогой. Гарольд резко повернулся.

В двери ванной стояла Джойс. Чистая, свежая, улыбающаяся. В своем красном атласном халате.

— О Господи, — только и смог он произнести. Она усмехнулась и щелкнула зубами. Потом достала из-за спины правую руку, в которой держала челюсть.

— У Кена хорошие острые зубы. Он мне очень помог.

— О Господи, — пробормотал Гарольд. Она подбросила челюсть, поймала ее на указательный палец за передние зубы и повертела.

— Давай поговорим о разводе, — сказала она. — Дом остается мне. А ванну можешь забирать.

PDF Generation

Generated on *26 марта 2010 г.* by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>